

Людмила Федорова

Рассказы о смысле жизни

12+

Людмила Федорова

Рассказы о смысле жизни

«Автор»
2021

Федорова Л. В.

Рассказы о смысле жизни / Л. В. Федорова — «Автор», 2021

Удивительный сборник жизненных рассказов с глубоким смыслом не только поднимет вам настроение, но и заставит задуматься о сложных этических вопросах.

© Федорова Л. В., 2021
© Автор, 2021

Людмила Федорова
Рассказы о смысле жизни

Леди Ангелов

…Действие этой истории любви разворачивались в 1805 году, в эпоху ампирной моды, балов, литературных и музыкальных салонов. В этой истории есть рассуждения о страсти и любви, гордыни и чести, но главное в ней чарующее божественное чувство целомудренной любви и таинства брака, а так же урок, что нельзя судить о человеке по первому впечатлению.

Лето было в самом разгаре, когда князь Борис Максимович Артемьев, молодой, богатый, образованный и набожный человек двадцати пяти лет, ехал в карете с невестой, Лизой Урусовой. Сударь этот имел светло-карие глаза и красиво постриженные русые волосы, одежда его была в тёмно-коричневых тонах, в остальном он был совершенно недостопримечательной внешности.

Спутнице его же было восемнадцать лет, она имела каштановые кудри, собранные розовой лентой под цвет милого платья. Глаза её были не большие, а в остальном она была очень милой барышней.

– Лиза, вы духовно готовитесь к нашему венчанию? Какие книги о браке вы читаете? Вы читали «Домострой»? – обеспокоенно задал важные вопросы Борис Артемьев, но невеста его, Лиза, развела руками и ответила:

– Что за глупости, право, «Домострой» читать! Я платье себе выбираю!

Расстроенный ответом Борис ничего не ответил, молчание затянулось, когда Лиза попросила остановить карету, добавив:

– Борис, давай я познакомлю тебя с подругой и её сестрой, графинями Дмитровыми! Младшая, Наталья Глебовна, премилое создание, а её старшая сестра, Светлана Глебовна, ужасная ханжа и гордячка!

Борис и Лиза вышли из кареты, и подошли к двум барышням. Одна, совсем юная девушка лет шестнадцати, была в платье томатного цвета с изящной блондинистой прической с синей лентой. На лице её сияла приветливая улыбка, а в руках вертелся прекрасный, как белый мотылёк, кружевной зонтик от солнца.

– Познакомьтесь, князь Артемьев, это моя подруга Наталья Дмитрова… – начала разговор Лиза…

Тут подошла другая девушка, лет двадцати трёх. Наряд её был пригож: карамельное платье, со вкусом отделанное золотой тесьмой, дополнялось такими же туфельками, белыми перчатками и шляпой с персиковой розой. Прекраснее, таинственнее, чудеснее наряда была сама девушка: осанка её была строга, длинные светлые локоны были уложены в причёску и спускались по плечам, давая лучам солнца блестеть на них, черты были правильны и нежны. Но самым зачаровывающим в девушке были лазурные большие глаза.

–… А это старшая сестра Натальи, Светлана, за красоту её называют леди Ангелов… – закончила Лиза, и обратилась к подругам – Как вам мой жених?

– Слишком прост для тебя! – после долгого молчания высказалась Светлана.

С обидой Борис подумал, что Лиза права: Светлана слишком красива и горда, и гневно ответил:

– Я слишком прост для той, что именуется без скромности леди Ангелов! Вы – гордячка!

Тут распрекрасные очи девушки наполнились слезами, она по-детски беззащитно всхлипнула и убежала грациозно.

Борису стало очень жалко её и стыдно за свой поступок, он обратился к Наталье:

– Я приношу извинения за дерзкие слова перед вами и вашей сестрой…

– Ничего страшного, она не горда, просто прямодушна, она простит вас, а в знак нашего почтения, я приглашаю вас на бал, где познакомлю вас с моим женихом, и будущим суженым моей сестры… – ответила Наталья дружелюбно.

– Мы с Лизой принимаем ваше приглашение с удовольствием! – закончил разговор Борис.

В назначенный день Лиза Урусова и князь Борис были на балу у графов Дмитровых.

Все гости были роскошно одеты, замужние дамы блистали бриллиантами, кругом сияли свечи, блистая светом на золотых подсвечниках и рамах картин, оркестр играл весёлую мазурку, мамы незамужних леди шушукались в стороне, остальные танцевали. Но прекраснее всех кружилась в танце Светлана: золотые кудри её, украшенные оранжевыми розами и жемчугом, женственно развевались в танце, лазурные очи сияли, платье цвета белого шоколада блистало золотой вышивкой.

«Воистину она – леди Ангелов, но слишком горда и избалована…» – подумал Борис.

Сперва к гостям вышла Наталья и представила всем своего жениха: бравого гусара Валентина Филипповича Щегловитова, который был ужасно пёстро и щёгольски одет, и имел красивые усы.

«Мне б такую внешность…» – с белой завистью подумал Борис Артемьев.

Вдруг музыка резко прервалась, неприятно скрипнули двери, и на пороге появился некрасивый пожилой человек, тоже очень богато одетый, только трость и часы его стоили баснословных сумм денег.

Что тут случилось с нашей леди Ангелов! Она поникла, нервно поправила роскошную причёску, и с ангельской кротостью и покорностью на лице, сделала реверанс перед этим стариком.

– Это приехал жених Светланы, старший брат Валентина Филипповича, Гордон Филиппович Щегловитов… – пояснила жениху ситуацию Лиза, но у Бориса возникли сразу роем вопросы.

Почему красавица должна выходить замуж за старика? Почему при нём, она так кротка? Какая же она настоящая? И какой из себя человек этот Гордон Филиппович?

Вдруг Светлана и Гордон вышли на террасу. Борис из любопытства стал возле белой ажурной двери и, из всех сил прислушиваясь, услышал такой разговор…

– Светлана, вы понимаете, что после нашей свадьбы никаких балов не будет в нашем доме! – крикнул грубо Гордон.

– Извините, я просто хотела провести время с друзьями… – скромно и с достоинством ответила Светлана.

– И ноги твоих друзей в нашем доме тоже не будет! Будут лишь мои дети от первого брака! Я так хочу…

– Но, извините, я во-первых, ещё в доме родителей своих, во-вторых, не вижу в танцах и общении греха, в-третьих, в нашем браке я думаю родится… – начала кротко, чистым, как ручей, напевным голосом перечислять аргументы в свою пользу Светлана, и Борис болел за неё всей душой, но Гордон, резко и невоспитанно толкнув девушку, жёстко прервал её:

– Мне хватило детей от первого брака! И, вообще, привыкай к покорности, прекрасная леди Ангелов!

Борис ахнул от такой жестокости Гордона и стойкости Светланы, князь уже хотел вступиться за беззащитную девушку, но Светлана сама пригрозила Гордону:

– А что, если после такой грубости я откажусь от брака с вами?! Сестра моя опозорена, но я-то невинна, и могла бы любить и быть любимой и уважать мужа и меть уважение от него, а, значит, и счастье в семье!

Гордон вскипел, но ответил угрозой:

– Пожалейте сестру, о её бесчестии тогда узнает вся аристократия!

После этого Гордон ушёл солдатскими шагами по террасе через персиковую залу из дворца, а Светлана заплакала, заплакала так горестно и нежно, будто плачет девочка или сорванный цветочек.

И таким чистым, милым и беззащитным Ангелом казалась Светлана Борису в этом момент, что он бросился её утешать, утешал долго самыми искренними словами соболезнования, говоря:

– Поверьте, он одумается и будет любить вас, ведь вы самое благородное, прекрасное, чудесное создание! Вы – леди Ангелов, вас не возможно не любить…

Наконец, Борис, успокоив девушку, серьёзно спросил:

– А теперь, Светлана Глебовна, я попрошу объяснить мне, почему вы должны выходить замуж за этого жестокого старика, ведь вы могли бы составить партию кому угодно, только сегодня на балу вам объяснились в любви пять таких богатых и родовитых джентльменов?

– Хорошо, я вам объясню, только давайте возьмём карету и поедем в церковь, я хочу утешить душу святым светом молитвы… – так же серьёзно ответила Светлана.

… Скоро карета дрожала, проделывая быстрый путь по камушкам, а Светлана рассказывала:

– Дело в том, что моя сестра Наталья по легкомысленности вступила в преступную связь с Валентином, а Валентин и Гордон – братья. О случившемся знали только мы четверо, и за молчание Гордона о позоре моей сестры и за то, что Валентин покроет позор моей сестры, женившись на ней, я должна буду стать супругой Гордона Филипповича. Не знаю, зачем я вам это раскрываю, но вы, как я сегодня поняла, чуткий, умный и милосердный человек. Вы не опозорите нас. И я извиняюсь за слова, о том, что вы слишком просты. Сейчас я поняла, что лучше галантности и внешней красоты ваши доброта, умение сочувствовать, а истинный джентльмен, должен быть, как вы: вежливым и надёжным…

Борис задумался и тихо ответил:

– Спасибо за похвалу, извинения были лишними: по своей религиозности я пытаюсь быть простым человеком и иметь лёгкое сердце. Я не только не опозорю вашу семью, но и попытаюсь вам помочь…

Тут они приехали в церковь, и лицо Светланы, образно говоря, озарилось горним свечением молитвы. С каким благоговением и слезами чистоты перекрестилась и вошла в храм Светлана! Борис залюбовался, а потом сам вошёл в храм.

– Вы веруете? – спросила Светлана.

– Верую…

– Какое счастье, что я нашла друга-единомышленника! Будет с кем поговорить изредка… – воскликнула радостно Светлана, а потом оба принялись усердно молиться, слёзы капали у них от раскаяния и тихой грусти, но ласковые мысли о друг друге изредка проскальзывали, как лебеди на пруду, и радовали Светлану и Бориса. Теперь они любили не только Бога и себя: невинной и юной, как подснежник, любовью, они любили друг друга.

Прошло какое-то время, которое Борис и Светлана провели в мыслях друг о друге и дружеской переписке: у них оказалось много общего: и православие, и мечтания, и любимые книги. Они в письмах, которые были украшены стихами, библейским цитатами о чистой любви, портретами друг друга, изображением голубей, лебедей, роз и ангелов, ворковали, как голуби, но признаться друг другу в любви они не смели, не смели признаться себе, и не надеялись на ответное чувство.

Лето улетело синим голубем, но ранней осенью, когда солнце прощально играет лучом на желтовато-коричневой листве, тоже легко дышится, и Борис Артемьев пригласил Светлану на конную прогулку. Она была очень мила в платье из шоколадного атласа и в горностаевой накидке.

Воздух был необыкновенно свеж, белые лошади, постукивая копытами, бежали рысью – всё располагало к длительной беседе. Поговорив о Шекспире, его пьесах и сонетах, посмеявшись над комедиями Мольера, поговорив о жизни и трудах святых отцов православной церкви, голубки замолкли. Потом решили пройтись пешком.

– Знаете, – вдруг промолвила Светлана, – Борис Максимович, вы писали, что любите читать стихи Пушкина, прочтите мне одно, про любовь…

И тут Борис встал на одно колено перед Светланой и начал читать стихотворение Александра Пушкина «Я вас любил…» с такой нежностью, грустью несбывшейся надежды и, главное, любовью, обращённой на Светлану, что девушка поняла: он любит её, но попросила закончить:

– Извините, что прерываю, но вы слишком эмоционально читаете, мне вас жалко…

– А мне вас жалко, что ваш муж не будет любить вас, как я люблю! Искренно! Ласково! С уважением к вам! – воскликнул опечаленный и растерянный Борис.

Дальше переписка оставалась прежней: те же голуби и розы по краям, те же милые комплименты и анекдоты…

Но зимой им была суждена ещё одна встреча: Борис узнал, что в честь рождества Христова после поста у Дмитровых будет бал-маскарад, где все должны быть в русском костюме времён крещения Руси.

Долго готовился Борис, мечтая хоть увидеться со Светланою, светочем его жизни: учил танец того времени шил костюм из парчовой рубахи, порток, сапог, шапки с лисьим мехом и вышитого лебедями синего корзно.

Когда он появился таким на бал, все были в восторге, он очень хорошо смотрелся со Светланою, которая была в золотом венце с коралловыми розами, косой с жемчугом и парчовом наряде княжны с золотым распятием. Они прекрасно смотрелись вместе, все любовались ими, а потом гости устроили катания на тройке белых коней. Солнце счастья согревало в этот момент Светлану и Бориса, которые сидели, прижавшись к друг другу, накинув на плечи он – рысью, а она – песцовую с лисьей оторочкой шубы.

А на Пасху влюблённые договорились вместе украшать снедь, вместе пойти на ночную службу, а утром разговеться и поделиться снедью с бедными. Красить куриные яйца в свекольном соке было весело, а разрисовывать красками и весело, и интересно вдвойне, и беседа лилась родничком. А на ночной службе Светлана даже расплакалась, и утешил её только салют.

– А от чего вы заплакали, Светлана Глебовна? – удивился Борис.

– Я плачу от того, что мы не можем обвенчаться, и должны будем когда-то прекратить общение. Ах, если бы мы могли сочетаться законным пред Богом Христом браком, и быть такими счастливыми всегда! – объяснила свои эмоции Светлана.

Уже год дружили Светлана и Борис, но в любви признаться ни себе, ни людям не смели. Он ходил за ней по пятам, подкладывал милые записочки и её любимые цветы: белые розы, а раз он приехал на бал к своей невесте Лизе и увидел там Светлану во всей красе с пером павлина в причёске и с веером из павлиньих перьев. У Лизы и Светланы шла оживлённая беседа, но Борис долго любовался Светланой, только потом подошёл к девушкам.

– Мы хотим поставить древнегреческую пьесу «Елена Троянская и Парис» – начала щебетать Лиза – Пока единственная претендентка на роль Елены – Светлана Глебовна, а вот на роль Париса я предлагаю вас, князь…

Несмотря на возмущения, всем идея эта понравилась, подготовка завертелась колесом, и скоро Светлана в золотом лавровом венке с розами и белом платье с золотой шалью стояла на сцене вместе с Борисом, который был в золотых доспехах и тоге.

Пьеса, написанная на основе сюжета произведений Гомера, шла своим чередом, когда настал кульминационный момент, и Парис с Еленой должны были признаться в любви. И Свет-

лана, и Борис немного замялись и дрогнули: как же не выдать окружающим, что они любят друг друга не только на сцене?

Заминка растянулась, как пластилин, все насторожились, и вдруг Борис изрёк:

– Тебя, златокудрая Светлана, люблю я больше жизни! Ты – свет очей моих, моя отрада и судьба, дороже ты мне молвы, и славы, и злата. Прекрасна ты и мыслей и красотой, и юностью, и мудростью – всем ты мне отрадна! Так будь звездой жизни моей, а не ускользающей тенью, стань женой моей, и раздели счастье любви великой и вечной моей!

Все ахнули от удивления: да, Борис произнёс монолог Париса, как предполагала постановка, но замена имени смутила всех, все ждали ответа Светланы: к кому она обратит свой монолог: к Парису, или Борису?

– Борис, мой рыцарь благородный, герой отважный, заботливый и нежный, люблю тебя… – дрожащим голосом произнесла Светлана и убежала со сцены, не докончив пьесы.

Лиза Урусова с гневным видом попросила Бориса говорить с ней в дальней гостиной, где было мало людей. Князь Артемьев чувствовал себя виноватым перед ней, но разговора избегать не стал.

– Я знала, что вы любите графиню Дмитрову, знала! Все знали это, потому что вы ходили за ней по пятам! Ваше чувство было невозможно не заметить! Но так явно опозорить меня! Я этого не потерплю! Я отказываюсь быть вашей невестой, я вычёркиваю вас из своего сердца и выхожу замуж за ненавистного вам учителя танцев, который давно добивается моего расположения! – эмоционально выразила свою обиду Лиза и нервно поправила ленту.

Борис, немного зардевшись, выпрямился по-офицерски, поклонился Лизе и тихо со спокойствием сказал:

– Прошу великодушно простить меня, но сердцу не прикажешь, я полюбил Светлану Глебовну, и не виновен в чувствах своих, лишь прошу прощения за то, что так долго обманывал вас. Раз мы разрываем помолвку по обоюдному согласию, вы вольны выходить замуж за кого угодно. Надеюсь, этот человек будет достойнее меня, прощайте…

Лиза, успокоившись после столь вежливого извинения Бориса, ушла к гостям, а Борис подошёл к окну в задумчивости…

… В друг на мраморном крыльце усадьбы показались Гордон, Валентин и Светлана. Борис заволновался, пытался услышать, о чём они говорят, но это было тщетно. Вдруг Борис вскипел от того, что увидел: Гордон опять толкнул Светлану.

Борис быстро с трепещущим сердцем побежал к Светлане и застал тот момент, когда жених, опозоривший Наталью, сказал с напыщенной важностью:

– Скажите вашей сестре, Наталье Глебовне, что я раскланиваюсь, и что она мне больше не невеста!

Гордон надменно отвернулся от Светланы к брату и промолвил:

– То же самое я говорю вам, изменница Светлана: я отказываюсь от брака, а завтра весь дворянский свет будет знать о позоре Натальи, и вас, и вашу сестру никто не возьмёт замуж!

Тут вступился Борис: он помог Светлане встать и с негодованием изрёк:

– Вы, Гордон Филиппович, не джентльмен! Вы позволили себе толкнуть и грубо разговаривать с леди! Если вы позволите себе распускать непристойные слухи об этих девушках, я вызову вас на дуэль!

Гордон поморщился, и стал похож на кощея выражением лица и залысинами, взгляд его забегал, генерал нервно затеребил золотую пуговицу и промолвил:

– Я приношу извинения, я не желаю дуэли, более я не буду чернить имена этих мадмуазелей…

Гордон позвал брата, Валентина, и они уехали в золочёной карете, сославшись на неотложные дела, а на крыльцо вышла Наталья и изрекла:

– Прости, сестра, что ты из-за меня так пострадала, но ко мне посватался сегодня молодой вдовец, благовоспитанный и богатый, и я дала согласие на брак с ним. Я исправлюсь, и буду вести праведную жизнь. Наша свадьба состоится через месяц…

Светлана с тихой радостью в светлых лучезарных очах с нежной благодарностью на устах и светлым румянцем на ланитах склонила голову на грудь Бориса, а Артемьев ласково спросил:

– Ангел мой, леди моя, свеча души моей, радость небесная моя, хочешь ли ты стать моей супругой? Я очень постараюсь сделать тебя счастливой, любимой и окружённой лаской и заботой…

Светлана кивнула и прошептала:

– Значит, через месяц у нас будет две свадьбы…

Эпилог

Так Наталья обвенчалась со своим суженным, исправилась, и зажила тихой семейной жизнью. Светлана и Борис тоже обвенчались, воспитали в браке сына и трёх дочерей, привив им с детства нравственность и православные ценности, и прожили в браке пятьдесят лет, не потеряв любви и некой доли романтики в отношениях. Семьи Натальи с вдовцом и Бориса со Светланой были похожи на парчу: такие же крепкие, яркие и красивые. Лиза сначала же долго горевала, а потом тоже нашла выгодную партию и счастливо жила с мужем, иногда на балах даже видясь с семьями Натальи и Светланы. А братья Щегловитовы сдержали слово: о позоре Натальи не рассказали. Гордон посчитал, что оскорбил Светлану и свою старость провёл в уединении и молитве, а Валентин был ранен на дуэли, поэтому ушёл из армии и женился на простой бедной девушке. Так каждый обрёл своё счастье и стал немного лучше.

Да не угаснет свет любви

Россия 1850 года. Надежда Ильинична и Антон Всеволодович Виноградовы, супруги семидесяти лет, сидели у кирпичного камина с трещащим огоньком в окружении трёх взрослых детей и шести внуков, в старой усадьбе за накрытым столом собралась вся большая семья. А повод был грандиозный – золотая годовщина свадьбы Надежды Ильиничны и Антона Всеволодовича. И этот день пожилые супруги вспоминали историю своей любви, своей жизни…

…Россия 1800 года. Барский сын Антон вышел на крыльцо, как всегда, неопрятный. Надежда, крепостная крестьянка его родителей, ровесница Антона, прошла мимо с коромыслом и вёдрами. Надежда шла с прямою спиною, не опуская взгляда фиалковых глаз, лишь от усталости покачивались её стройная фигура и светлая коса.

– Эй, девка, дай напиться! У тебя, надеюсь, не пустые вёдра? А то сечь велю, если пустыми вёдрами безденежье приносить будешь. Ничего не попишешь, примета такая: денег не будет, если девку с пустыми вёдрами увидишь… – смешливым тоном произнёс Антон.

Надежде стало очень обидно, что он назвал её «девка», а не по имени, ведь молодые люди росли в одной усадьбе, часто вместе играли в детстве, но теперь, когда Антон получил образование и стал важничать, он надменно относился к бывшим друзьям.

– Антон Всеволодович, а барин Всеволод Семёнович ругать не будет вас, если узнает, что вы опять трубку натощак выкурили? – спросила язвительно Надежда.

Антон, как ужаленный пчелою, подскочил и, запинаясь от волнения, произнёс:

– Надя, ты не скажешь ничего моему отцу, а то велю выпороть на конюшне!

– Отлично, барин, оба на конюшне окажемся! – посмеялась Надя, а потом поспешила успокоить юношу – Что вы, Антон Всеволодович, конечно, не скажу, ведь вы когда-то так добры были ко мне…

Антон взглянул по-доброму на девушку своими большими серыми глазами, а потом повторил просьбу, только совсем в другой форме:

– Слушай, Надя, дай, пожалуйста, напиться. Не дуйся, пошутил я про пустые вёдра.

Несмотря на усталось, девушка, подошла и подала воды Антону. Антон утолил жажду и заметил:

– Надь, ведь тяжёлые вёдра, давай помогу…

Антон донёс вёдра, а девушка с улыбкой заметила:

– Барин, что вы, не надо так вину за шутку заглаживать, вы же…

Но Антон прервал Надежду:

– Я и не думал заглаживать вину, просто жалко тебя стало. Кстати, сегодня премьера в крепостном театре. Ты играешь в новой постановке?

– Играю, – ответила девушка – Клеопатру…

– О, наша серая мышь получила главную роль! Поздравляю! – съязвил Антон.

Надежда не имела права ответить на грубость барского сына, только взгляд девушки затуманился слезами.

– Антон Всеволодович, вы по-прежнему считаете меня серой мышью? – спросила огорчённо девушка, но ответа не получила, Антона и след простыл.

Надежда отправилась немного отдохнуть и гримироваться: барин Всеволод Семёнович был строг к актрисам крепостного театра, не позволяя им плохо работать, а себе – крутить романы с актрисами.

Надежда полежала у печки, только измаралась и подумала: «Я от этой сажи похожа на цыганку, а не на царицу Клеопатру», но покорно умылась и нанесла грим. Скоро Надежда в чёрном парике, со стрелками у глаз и в белой тунике с золотым поясом вышла на сцену…

Барин, его большая семья, состоящая из жены и семерых детей, и гости старого барина собрались, чтобы посмотреть постановку «Антонио и Клеопатра», и Антон был приятно удивлён мастерской игре и красоте своей подруги. Надежда блистала в тот вечер, и Антон не мог этого не заметить.

После спектакля Антон пробрался в гримерную и преподнёс Надежде цветы со словами:

– Надя, ты сегодня бесподобно играла, извини, что я назвал тебя серой мышью, просто я тебя не видел до этой постановки в главной роли…

Надежда стеснительно покраснела, опустила ресницы и ответила:

– Что вы барин, не извиняйтесь, вы правы, я слишком проста и худородна для того, чтобы снискать вашу дружбу и уважение, просто мне нравиться быть актрисой. Если бы я была не крепостной крестьянкой, то стала бы непременно играть в театре…

У Антона загорелись глаза, и он с тихим восторгом произнёс:

– Знаешь, что я задумал? Давай я помогу тебе бежать в Александрийский театр…

– Ты действительно веришь в успех этой затеи? – с испугом спросила Надежда.

– Ещё бы! Я помогу тебе! Провезу тебя до Санкт-Петербурга, а потом вернусь домой! Договорюсь с сестрой Лидой, чтобы та придумала нам какой-нибудь предлог… – стал уговаривать Надежду Антон.

– Барин ведь рассердится, меня, если поймают, то высекут… – засомневалась Надежда.

– Мы придумаем, как спасти тебя от этой ситуации! Послушай меня, такой шанс выпадает раз в жизни…

– Тогда выступаем сегодня вечером, чтобы я не успела передумать… – шепнула Надежда, Антона позвал отец, а девушка переоделась и легла на полу с мечтами о театральной жизни…

Вечером Лида, сестра Антона, проводила Надежду в назначенное безопасное место, где юноша ждал её в почтовой карете.

– Не бойся, Надя, лошади лучшие в Рязани, домчат до Санкт-Петербурга быстро, с ветерком… – изрёк Антон. Надежда, словно не веря в успех затеи до этого момента, а после слов Антона поверив, от восторга захлопала в ладоши, ловко забралась в карету и поцеловала Антона в щёку, сама раскрасневшись от стыда за свои эмоции.

В дороге молодые люди беседовали. Скучно было вечером ехать по тёмным улицам, но спать от волнения не хотелось, поэтому ничего не оставалось Надежде и Антону кроме как вести разговор.

– Надя, а ты читать умеешь? – вдруг неожиданно спросил Антон.

– Умею, меня в Воскресной школе научили, больше всего я пьесы люблю читать, я часто брала книги Шекспира с полок библиотеки вашего отца… – прозвучал такой же неожиданный ответ.

– Вот тебе на! – удивился Антон – Грамотная крестьянка, которая знает творчество Шекспира! Я прямо стал уважать тебя! А, если честно, я тоже люблю читать, в том числе и великого Шекспира. Когда ты будешь играть Джульетту, напишешь мне, я хочу полюбоваться тобой в этой роли…

– А почему именно в роли Джульетты вы хотите увидеть меня, барин? Я, может Дездемону или леди Макбет буду играть…

– Перестань называть меня барином, ты теперь свободный человек! И давай на ты, мы знакомы, кажется, сотню лет. Жаль только сейчас я понял, какой ты удивительный человек, а то бы я выпросил у отца разрешение жениться на тебе. А я ведь мог заметить это и раньше, хотя ты была самой тихой, самой доброй девочкой в нашей усадьбе. А в роли Джульетты я мечтаю увидеть тебя, потому что, вообще люблю пьесу «Ромео и Джульетта», верю в силу любви…

– Я тоже верю в силу любви, но никогда не знала этого чувства, потому что с родителями меня ваш отец разлучил, когда мне было шесть лет. А, вообще, я тихий, домашний человек, я бы хотела о ком-то заботиться… – ответила Надежда, когда карету остановили полицейские, которые сказали:

– Мы ищем беглую крестьянку девку Надежду!

Антон испугался, но не растерялся, показал взглядом Надежде место под сиденьем, где можно было укрыться, и ответил:

– А тут никого нет, я один еду по канцелярским делам отца, графа Виноградова…

– Дело в том, – пояснил полицейский – Что вас мы тоже ищем. Крестьянка принадлежит вашему отцу, его светлость говорили, что не посылали вас не по каким канцелярским делам! Так что не препятствуйте обыску кареты…

Антон увидел, что Надежда уже успела спрятаться и сделал вид, что ничего не скрывает, но мудрый полицейский в первую очередь у ужасу Антона посмотрел под сиденье, и Надежде пришлось вылезти из укрытия.

– Покажите паспорт мадмуазель! – строго приказал полицейский – Или вы крестьянка и у вас его просто-напросто нет?

По раскрасневшемуся личику девушки и молчанию беглецов всё стало ясно.

– Ну, что ваша светлость и Надежда, я должен доставить вас к его светлости Всеволоду Семёновичу… – закончил полицейский и закрыл карету, отдав приказ:

– Везти беглецов под охраной в место назначения!

Антон сидел огорчённый и бледный, а Надежда плакала у него на плече:

– Вот что получилось из твоей затеи! Теперь меня наказание ждёт! Я так боюсь!

– Слушай, Надя! – вдруг высказал свою новую затею – А ты бы пошла за меня замуж, если бы это помогло нам выбраться из этой ситуации?

– Пошла, ты человек добрый. А как это может помочь нам? – Надежда удивилась так, что перестала плакать.

Юноша отвечал:

– Я возьму вину на себя: скажу, что без твоей воли выкрал тебя для того, чтобы обвенчаться с тобой. В худшем случае, высекут хотя бы меня, а не тебя, в лучшем же случае отец милостиво напишет тебе вольную и разрешит нам обвенчаться….

Надежда распахнула очи от изумления и спросила:

– Неужели ты готов так рисковать?

Антон засмущался и ответил:

– Вообще-то, я давно люблю тебя, поэтому и старался задеть, только думал, что отец не разрешит нам пожениться, да и повода признаться в любви не было. Ты же домашняя девушка, может, если отец даст тебе вольную, и мы поженимся, нам будет хорошо и без Александрийского театра…

– Я постараюсь быть такой же прилежной супругой, как Феврония! – воскликнула Надежда.

– А я буду заботиться о тебе, и любить верно, и искренно, как князь Пётр… – ласково ответил Антон.

Скоро карета прибыла в усадьбу Виноградовых. Антон волновался перед разговором с отцом, ещё больше волновалась Надежда. Антон робко вошёл в кабинет отца, где пахло валерьянкой. Всеволод Семёнович строго посмотрел на сына и изрёк сурово:

– Сын мой Антон, я требую объяснения твоему поведению: ты исчезаешь из отчего дома, и тебя находят в обществе беглой крестьянки, которую высечь бы за побег!

Антон упал перед отцом на колени и ответил:

– Отец, не будь так суров! Надежда – не беглянка, я выкрал её, чтобы обвенчаться с ней, я люблю её, как небесная птица любит солнце! Прошу, позволь нам пожениться, благослови детей на счастливый союз!

Отец Антона удивился, но вида не подал, и с барским достоинством стал размышлять:

– Любовь – великое дело, но нужно тебе жениться на вольной девушке, поэтому я напишу Надежде вольную грамоту. Раз уж любишь так, то наказывать не стану, благословлю ваш брак, только, помяните моё родительское слово, ох, как нелегко вашему неравному браку придётся…

Наконец, Всеволод Семёнович выполнил обещанное, то есть написал Надежде вольную грамоту и благословил Антона и его спутницу на брак и дал своё наставление:

– Смотрите, чтобы любовь и уважение царили в вашей семье, тогда все препятствия пройдёте! Да не угаснет свет любви!

Антон и Надежда, обрадованные таким вердиктом, обнялись, прошептав:

– Да не угаснет свет любви…

Скоро в местной церкви при всей родне обвенчали Антона и Надежду, так создалась семья Виноградовых.

1801 год 1 января.

Семья Виноградовых проснулась к обеду: дело в том, что они праздновали Новый Год, это первый год семейной жизни Надежды и Антона, супруги сидели у старинного камина и вспоминали прошедший год, а вспомнить было что, ведь первый год в браке – год притирок характеров…

После двух спокойных дней, когда Антон и Надежда отдыхали от своего побега и свадьбы, Антон заявил:

– Дорогая, я пригласил тебе учителя музыки и танцев, а так же учительницу этикета, и учителя арифметики и литературы, ведь скоро я должен буду поехать с тобой на бал к Апраксиным, моя жена графиня Виноградова должна быть на высоте…

Надежда возмущённо посмотрела на мужа, вставив руки в боки со словами:

– Это ещё зачем?! Разве ты не говорил мне, что ты меня и такой любишь?

Антон растерянно постарался пояснить:

– Понимаешь, мне всё равно, умеешь ли ты танцевать котильон или нет, но ты теперь моя жена, и я хочу вывозить в свет свою любимую, самую красивую и нарядную супругу, и хочу гордиться тобой, а не стыдиться. Ты, конечно, можешь отказаться от этой затеи, но я всё равно должен буду появляться в свете, ты же не хочешь, скучая, дожидаться меня дома?

Надежда сначала потянулась за тарелкой, чтобы разбить её в гневе, выразить протест, но потом поняла, что муж прав.

– Если бы я не осознавала твою правоту, – с кокетством произнесла Надежда, схватив из шкафа бутылку вина – То я бы разбила эту бутылку!

Антон рассмеялся:

– Милая моя, пока ты освоишь все науки светской дамы, твои учителя в отчаянии разобьют не одну посудину!

После этого, переполняясь гневом, Надежда разбила бутылку о стол.

Антон сначала от удивления(он не знал, что его любимая умеет так сердиться) сел, бледный как лист, потом стал оправдываться:

– Я ж пошутил, как лучше хотел сделать!

– Ладно, – смирившись, сказала Надежда – зови какого-нибудь учителя, буду познавать премудрости светской жизни…

Урок литературы прошёл более-менее благополучно, Надежда, оказалось, умела читать и писать, только очень коряво.

– Читаете вы бегло, – заметил учитель, – только чистописанием вам ещё заниматься и заниматься!

Особенно у Надежды не получалась буква «А». Так ни старалась, по пятой строчке прописывая букву «А», молодая дворянка, ничего не получалось. Надежда даже заплакала…

А потом вспомнила, что делает это, чтобы быть счастливой рядом с Антоном, и попыталась написать записку: «Антон, я люблю тебя», и, о чудо! Несносная буква «а» в слове «Антон» удалась! Записка была написана без единой кляксы, ровно, красиво, учитель даже похвалил Надежду. А с тех пор, прописывая буквы, а потом составляя из них мужу целые письма, дворянка думала о чём-то приятном, начинающимся на эту букву, например «Л» – «Любовь», «Н» – «Надежда», «Г» – «Господь», ну, и, конечно, «А» – «Антон»…

Намного труднее Надежде дались другие уроки, например арифметика. Как ни старалась овладеть этой наукой молодая дворянка, никак, как ретивый конь, не покорялась она Надежде. Надя даже на мужа вечером стала ворчать упрямо:

– Не буду я арифметику учить! Не буду!

– А как же ты будешь вести хозяйство без арифметики? – удивился Антон.

Надежда поворчала, но поняла, что муж прав, пошла в молельную комнату и стала молиться:

– Господи, я так люблю Антона, помоги мне быть ему достойной женой, помоги изучить арифметику, никак она мне не поддаётся!

Антон послушал, подумал, достал учебник и сел рядом с женой, ласково произнеся:

– Дорогая, может, тебе будет лучше изучать арифметику со мной?

– Я уже не знаю, как лучше, холера она такая, эта твоя арифметика! – обречённо ответила Надежда, но Антон начал объяснять, и туман над арифметикой для Нади рассеялся.

С тех пор, если было сложно в учёбе и в жизни, Надежда всегда обращалась к мужу, говоря в молитве к Господу:

– Спасибо, Господи, что у меня такой замечательный супруг!

Ещё труднее дались Надежде уроки этикета, нож и вилка не слушались её, в памяти с трудом укладывались сотни правил, а замечания учительницы были обидными до слёз, но сменив трёх учительниц хороших манер, Надежда одолела и эту науку. Сложнее всего давалась Надежде аристократичная походка с книгами на голове.

– Книги нужны для того, что их читали, а не для того, чтобы носили на голове! – ворчала Надежда, но выполняла все нравоучения учительниц, и вскоре остались музыка и танцы. И хоть не раз плакала над ними Надежда, а музыка требовала усидчивости, и по словам Надежды «чугунных нервов», через год Антон получил настоящую дворянку.

– Я не понял, милая, как же из тебя такая красивая образованная дворянка получилась? – спросил спустя год, Антон, когда супруги сидели у тёплого камина.

– Ой, Антон, родной, я и сама не знаю. Муками науки даются… – ответила с улыбкой Надежда.

В 1802 году 5 октября Антону исполнялось двадцать два года. В честь этой даты на семейном собрании Всеволод Семёнович предложил устроить в усадьбе бал, причём организовать его должна была молодая хозяйка дома, Надежда, которая не очень представляла, как это делается. Точнее, Надя знала этикет, но все мелочи проведения бала могла знать только истинная дворянка.

Но Надежда была не из робкого десятка, и с азартом принялась за это дело: она решила устроить этот бал так, как нравилось ей и её супругу. Вместо белых салфеток красовались голубые, на десерт Надежда велела приготовить шоколадный торт. Зал освещали множество свечей, но, несмотря на это, окна были по приказу Надежды не зашторены, а сама Надежда разучивала роль: она хотела исполнить мечту мужа: посмотреть на жену в роли Джульетты в пьесе Шекспира, пусть даже это произойдёт не в Александрийском театре, а в домашнем, крепостном.

Надежда несколько дней не присаживалась, и покоя прислуге не давала, а, когда уже всё было готово к празднику, а сама Надя облачилась в костюм Джульетты голубого цвета(это был любимый цвет Антона), всё это «безобразие» увидел Всеволод Семёнович и всплеснул руками со словами:

– Наденька, невестка моя миленькая, да разве ж дело так гостей встречать?! Салфетки должны быть белыми, а не цветными по этикету, десерт должен быть из французской кухни, а не простой шоколадный торт, окна должны быть зашторены, а тебе тем более не дело играть на одной сцене со своими крепостными! Тебя же засмеют!

– Но я хотела сделать праздник Антону, ведь он любит шоколадный торт и мечтал увидеть меня в роли Джульетты. Салфетки я распорядилась купить голубые, потому что они украшают стол, да и голубой – любимый цвет Антона, а окна велела не зашторивать, чтобы было видно прекрасно красоту ночного неба… – стала оправдываться Надежда.

– Ну, не знаю, поступай, как хочешь… – произнёс пожилой барин.

Надежда задумалась и решила посоветоваться с Антоном по поводу спектакля на празднике, десерта и тех небольших нарушений этикета, которые она допустила из-за любви к красоте.

Антон выслушал её, посмотрел на стол, в бальную залу и вынес вердикт с улыбкой:

– Ты сделала всё очень красиво, а десерт наконец-то вызывает аппетит! Ты просто умница! Это будет лучший бал в нашей усадьбе!

И, действительно, когда гости приехали и вошли в залу, они были поражены её красотой, ведь, кроме свечей, в зал заглядывали звёзды и луна, а стол был красиво украшен голубыми салфетками и живыми цветами.

– Как же у вас красиво! Какой вид из окон! А стол! Кто же догадался украсить его цветными салфетками и живыми цветами? А пахнет как приятно! – восхищались гости.

Когда хозяйка дома вышла встречать гостей, дамы опять пришли в восторг:

– Ваша светлость, какой у вас красивый оригинальный карнавальный костюм! Образ героини шекспировских пьес вам идёт!

Потом были поздравления, танцы, и лишь затем подали торт. И снова все восхитились:

– Шоколадная выпечка! Как же это вкусно! Ах, ради этого можно забыть о диете!

И вот, наконец, пришло время кульминации праздника: постановки пьесы «Ромео и Джульетта».

Надежда стояла за кулисами и тряслась от страха, но, укротив волнение, вышла на сцену…

Все замерли от восторга, так блестяще Надежда сыграла Джульетту, а Антон подарил ей цветы.

Гости благодарили Надежду, поздравляли Антона и восхищались их парой:

– Вы – такие дружные и верные супруги! У вас на балу так весело! Дай Бог вам счастья!

Всеволод Семёнович подошёл к Надежде и тихо произнёс:

– Спасибо тебе за такой праздник моему сыну. Я был неправ, когда отчитал тебя за нарушение этикета…

– Я очень рада, что вам понравилось, я хотела порадовать Антона… – ответила Надежда, и семья обнялась.

Скоро, вспоминая актерский успех Надежды, на всех балах её просили прочесть стихотворение. Читала Надя выразительно, красиво, чётко. И на балу у Апраксиных её увидел директор Александрийского театра. Миловидная артистичная блондинка пришлась ему по вкусу, и он предложил ей:

– Надежда Гавриловна, я хочу, чтобы вы стали актрисой моего театра, я дал бы вам все ведущие роли, вы утопали бы в любви поклонников, славе, цветах, роскоши, только вам придётся развестись с мужем и принять мою любовь…

Надежда замялась, стушевалась, раскраснелась, растерялась: она впервые не знала, как поступить. Александрийский театр был её далёкой и самой сладостной мечтой, но Антон… она не могла уже предать его, хотя в браке они состояли всего два года!

Сердце Надежды скрутилось в комок, заболело, затосковало необычайно, молодой даме предстоял нелёгкий выбор, в одном случае она потеряет мечту, в другом – семью…

Надежда не знала к кому обратиться, вошла в молельную комнату и стала со слезами молиться. Антон стал искать жену и застал её в слезах.

– Милая, родная, что случилось? – спросил с волнением Антон, обняв супругу.

– Знаешь, радость моя, я наверное подам на развод: мне предложили работу в Александрийском театре… – ответила с грустью Надежда.

Антон испытал неприятное чувство горечи и возмущения, но попробовал вразумить жену:

– А как же я? Как же свет нашей любви? А как же то добро, которое мы уже успели сделать друг другу? Как же Всеволод Семёнович? Я так надеялся, что у нас будет полноценная семья с детьми, и что мы досмотрим моего пожилого отца вместе. Я так доверял тебе, а ты…

Надежда, не выдержав упрёка, разрыдалась.

Развод супруги ещё не получили в церкви, но Надежда собрала вещи и уехала к директору Александрийского театра, Егору Ростиславовичу. Тот встретил её радостно и предложил проехаться в карете до усадьбы его друзей, объяснив:

– Я хочу представить лучшую актрису моего театра высшему дворянству!

Карета ехала по лесной дороге в полной, почти магической, тишине, которую нарушал лишь стук колёс, да спокойный цокот копыт. Надежда чувствовала себя некомфортно, тревожно, переживая из-за разрыва с Антоном.

– Голубушка, милая, а чего это вы печалитесь? – спросил с недоброй ухмылкой Егор Ростиславович.

– Знаете, я переживаю тяжело развод, разлуку с семьёй и не представляю, как я буду выступать с таким настроением… – призналась нехотя Надежда.

Егор посмеялся и ответил:

– Какая чушь, переживать из-за кого-то! Давайте лучше предадимся любви, ведь мне вы обязаны своим будущим успехом в театре!

Надежда только помрачнела, сникла и прошептала:

– Я не хочу, я не готова, я не смогу ответить вам любовью, пока не разведусь с мужем, это – большой грех…

– А мне всё равно, что вы не хотите! – грубо крикнул Егор и попытался обнять Надежду.

Надежда испуганно закричала, разочарование кинжалом вонзилось в неё, но она поняла, что здесь её никто не услышит и тогда приняла решение выпрыгнуть из кареты!

Благо, лошади шли размеренным медленным шагом, а кругом был снег, и Надежда очень удачно приземлилась в сугроб. После этого, рыдая от разочарования, Надежда вернулась в усадьбу Егора Ростиславовича, собрала свои вещи, пока тот отсутствовал, и уехала домой только утирая слёзы одной мыслью: «Антон меня примет, Антон меня простит, я верю, что всё будет по-прежнему, я буду просить прощения, я заслужу его любовь снова, лишь бы Антон простил меня…».

Перед домом она остановила карету, и сердце её затрепетало от волнения: она готовила целую «покаянную речь» Антону, но простит ли он её?

Надежда поднялась в кабинет Антона. Молодой дворянин, похудевший и побледневший, встретил жену сурово:

– Я просил тебя не забывать ничего, когда ты собиралась уезжать в театр…

Надежда замерла, а потом упала на колени, заплакала и тихо изрекла:

– Я люблю тебя, родной мой, прости меня, я поняла свою ошибку, я очень хочу, чтобы наш свет любви по-прежнему грел нас, я хочу вернуться в семью, чтобы было всё, как прежде, и очень рада, что мы не успели развестись. Давай не будем расходиться…

Антон улыбнулся, поднял жену с колен и ответил с радостью:

– Ну, раз ты поняла свою ошибку и возвращаешься в семью, можешь заносить свои вещи. Я скучал без тебя и очень сильно переживал за тебя, дорогая моя жёнушка…

Так Надежда и Антон снова зажили, душа в душу, а через год Надежда узнала, что ждёт ребёнка.

Надежда хотела поскорее обрадовать мужа, рассказать ему о том, что он станет папой, но решила сделать это в торжественной обстановке и дождалась юбилея Всеволода Семёновича. Юбилей проходил летом в загородной усадьбе, все пили шампанское за здоровье пожилого барина, за его детей и друзей, а последней тост произносила Надежда, и тост был таков:

– А теперь выпьем за здоровье самого младшего члена семьи, который скорое родится у нас с Антоном!

Родственники и Всеволод Семёнович, как счастливый дедушка, стали поздравлять супругов с пополнением, а Антон, сияя от счастья, обнял жену, нежно поцеловал и спросил:

– Ты знаешь, как я благодарен тебе и как я тебя люблю?

Девять месяцев, которые Надежда носила первенца, походили на тихий семейный рай: Антон заботился о жене, каждый день привозил то клубнику, то пирожные, долго беседовал с Надеждой у камина, когда она вышивала крестильную рубашечку будущему ребёночку.

Скоро родилась девочка, которой при святом крещении дали имя Анастасия.

Когда малышка была в младенчестве, Антон продолжал заботиться о жене и дочери, во всём помогать Надежде, а маленькая Настенька неустанно плакала и никак не хотела спать. Антон нашёл для кормления Настеньки крестьянку-кормилицу, но крошка совсем не хотела кушать молочко

– Милые, как вы ребёнка укладываете? Давайте я ей колыбельную спою… – предложил уставшим супругам Всеволод Семёнович.

– Батюшка, не смешите, вы никогда колыбельной не пели, и не знаете никаких детских песен… – ответил угрюмо Антон, продолжая покачивать кроватку с плачущей Настенькой. Антона пришла сменить Надежда, но и на материнских руках девочка не успокаивалась.

– Барыня—матушка, позвольте, я Анастасию покачаю…– попросила крестьянка-кормилица, очень простая молодая женщина с русским лицом и русским именем Агафья.

– Ну, попробуй… – ответила Надежда и подала девочку Агафье.

Молодая кормилица взяла Настеньку на крепкие мозолистые руки, тихо запела красивую народную песню о материнской доле. Странное явление с досадой заметила Надежда: Антон с восхищением смотрел на Агафью. В уставшей от бессонной ночи голове Надежды поселилась ревность. Антон смотрел на крестьянку с придыханием, но Настёна полежала спокойно пять минут и снова залилась слезами.

– Матушка-барыня, а Настёночка-то горячая, лекаря бы… – сказала вдруг Агафья.

Надежда ещё не успела ничего ответить и понять, а Антон уже схватился за сюртук и произнёс:

– Конечно, мы сейчас же едем к врачу! Вели нам карету с Надеждой подать!

Надежда села в карету и облокотилась устало на сидение, ещё никогда она не чувствовала себя так худо: волнение за дочку и её здоровье, бессонные ночи, наконец, изводящая ревность совсем истощили силы женщины.

И поднять головы от сидения Надежда не могла, но и уснуть из-за волнения за дочь не могла…

Врач сказал, что у девочки лихорадка и прописал микстуру, и супруги вернулись домой и тут же дали лекарство малютке. Через десять минут температура спала, а малышка уснула, а проснувшись, пососала молочко.

Только после того, как Настеньке стало лучше, Надежда успокоилась и немного поспала, но сон её был прерывистым и беспокойным и снился ей новый кошмар: будто Антон и Агафья стоят на крыльце с Настенькой и прогоняют Надежду:

– Уходи, мы теперь одной семьёй жить будем, а ты нам не нужна, Надежда!

Проснулась молодая дворянка ещё худшем расположении духа, чем уснула. Антон тихо сидел у колыбельки Настёны и мурлыкал приятную мелодию.

– Дорогая, я устал, сменишь меня ненадолго?

Надежда сначала хотела ответить: «Конечно, милый, без проблем», но тут появилась Агафья, и Надя недовольно проворчала:

– Нет, пока Агафья в наших покоях, я не буду сменять тебя!

Антон удивлённо поднял бровь, а Надежда заплакала.

– Агафья, выйди пожалуйста… – попросил мужчина крестьянку, а потом обратился к жене – Объясни, дорогая, что случилось? За что ты Агафью-то не взлюбила?

Надежда, продолжая плакать, упрекнула мужа:

– Потому что ты привечаешь её и восхищаешься её умением обращаться с детьми, и доводишь ревностью меня до слёз в тот нелегкий момент, когда наша доченька болеет!

Антон еле сдержал порыв смеха, обнял жену, приласкал, утирая слёзы жене, и изрёк:

– Милая, родная моя! Право, нет повода тебе ревновать, не замечаю я никого, кроме тебя, люблю тебя и крошку Настюшу нашу, мне просто нравилось, как поёт и как ухаживает за ребёнком Агафья. Просто очень жаль, что у тебя нет молока, но, если ты хочешь, мы найдём другую кормилицу нашей доченьке…

Надежда уткнулась в плечо мужу и спокойно вздохнула после долгого волнения и вдруг почувствовала в груди молоко…

– Знаешь, дорогой, кормилица не понадобится: я теперь сама смогу кормить Настеньку… – с умиротворением произнесла Надежда, и супруги радостно обнялись.

1812 год. Девять лет пробежали со скоростью мысли, Всеволод Семёнович очень постарел, а Настюша выросла в миловидную девочку в платье зефирного цвета. Внешностью, золотыми кудрями и васильковыми распахнутыми очами, девочка походила на мать, зато характер взяла отцовский: Настенька была бойкой и смелой, даже шалила, гувернантки только успевали увольняться из-за «несносности характера ребёнка». Научить её чему-то мог только дедушка, которого она очень любила.

Однажды Настенька поссорилась со своим любимым дедушкой Всеволодом Семёновичем, а случилось это так: девочка не слушала взрослых, стащила булочки со стола, кушала их не в столовой, а сорила в гостиной, и, наконец, добаловалась до того, что разбила дедушкину любимую вазу, которую Всеволод Семёнович привёз своей жене в подарок на Рождество…

– Балованная, чёрствая ты девочка, не слушаешь родителей, не любишь дедушку, не хочу я дружить с тобой! – огорчённо произнёс Всеволод Семёнович.

Маленькая проказница расплакалась со словами:

– А вот и не чёрствая, а вот и люблю и маму, и папу, и дедушку…

Никто не ответил на слёзы Настеньки, хотя это было нелегко, но нужно: все поняли, что Всеволод Семёнович сказал так специально, чтобы девочка исправилась и больше так не делала.

Настенька на какое-то время исчезла в своей комнате, а потом появилась с рисунком, на котором была нарисована ваза и написано: «Прости меня, дедуля, вот тебе ваза взамен той, чтобы ты не грустил».

Вся семья по-доброму рассмеялась, приласкала и простила девочку. Настенька и дедушка больше не ссорились…

Но очень скоро Настёне пришлось повзрослеть: как-то вечером все домочадцы ходили тихие, как ночь, и взволнованные, а Надежда уложила Настеньку спать раньше, чем обычно. В доме витал неприятный таинственный холод волнения.

«Что же случилось?» – не поняла девочка и решила проследить за родителями, которые беседовали в гостиной с высокими белыми колоннами, за одной из которых спряталась Настя и слышала такой разговор родителей.

– Милый, родной, умоляю, не ходи на войну! Вдруг с тобой что-то случиться? Как же это переживу, ведь я так люблю тебя! Я снова жду ребёнка! Подумай о нём, об этом малютке! Подумай о Настеньке! Она так мала, как же она останется без твоей заботы, только со мной, да с дряхлым дедушкой, за которым нам самим с Настей придётся ухаживать? – плакала тихо, но горько Надежда на плече у мужа.

В холодном лунном свете Антон казался дочери болезненно бледным и мужественным, настоящим героем. Антон, не зная, что дочь не спит, так же тихо отвечал жене, прижимая суженную:

– Радость моя, я тоже люблю тебя, наша любовь – вечный, неугасающий свет, спасающий меня от всякой напасти, она поможет мне вернуться из даже самого ужасного боя победителем домой. Я обязан защитить Родину и веру, я обязан защитить тебя, отца, Настёнушку и нашего будущего малыша. Это – мой святой долг, так что лучше не разрывай мне сердце своими мольбами, а благослови на боевой подвиг…

Конь на улице встрепенулся, Надежда перекрестила мужа и подарила образ Пресвятой Богородицы, и Антон уже собрался уезжать. Это всё так взволновало, расстроило и переменило Настеньку, что девочка не выдержала и вскрикнула.

Надежда и Антон обернулись на выкрик и увидели дочку.

– Доченька, маленькая шалунья, почему ты не спишь, а подслушиваешь взрослые разговоры? – недовольно спросили родители девочку.

– А почему вы скрываете от меня, что папа уезжает туда, где опасно, что тебе, мама, тяжело, и нужно помощь? Я уже большая, я могу тебе помогать! – упрекнула Настенька Надежду и Антона.

Антон подошёл к дочери, погладил её и изрёк:

– Прости, мы не думали, что ты уже такая взрослая. Я должен защищать Родину, а ты помогай маме и дедушке, не шали, будь умницей, будь за старшую в доме, потому что маме нельзя волноваться: у тебя скоро будет братик или сестрёнка. В общем, взрослей, милая моя, молись за папу…

Насте очень хотелось заплакать и попросить отца никуда не уезжать, но она понимала, что он должен так поступить, а мама только расстроится, если она заплачет, поэтому девочка, закрыв глаза, покорно кивнула.

На следующее утро Настенька встала раньше мамы и принесла Всеволоду Семёновичу, который уже был стар и плохо ходил, завтрак.

Всеволод Семёнович болезненно улыбнулся и произнёс:

– Спасибо, не ожидал от тебя. Футы-нуты, какие мы взрослые!

Девочка только чмокнула дедушку и убежала прытким шагом помогать Надежде с хозяйством, ведь все мужчины-слуги и многие женщины-крестьянки, что покрепче, ушли на войну. Потом Надежда отправилась с тазом мыть ноги Всеволоду Семёновичу. Настенька, заметив это, выхватила у мамы таз и сказала ласково:

– Мама, я сделаю эту работу, тебе нельзя перетруждаться, ты ждёшь моего братишку или мою сестрёнку…

Всеволод Семёнович был приятно удивлён тому, что внучка так поступила.

Усадьба Виноградовых была далеко от военных действий, пожара в Москве и других военных событий, в Рязани, но однажды на пороге дома Надежды появились солдаты французской армии.

Первая их увидела Настенька и побежала скорее к матери: предупредить родительницу на сносях об опасности. К удивлению Настюши, две крестьянки не пустили девочку к Надежде, сделав замечание:

– Не тревожьте пока матушку, роды идут, нечего вам тут делать, у вас братик должен родиться…

– Мама в опасности! В усадьбе вражеские солдаты! – испуганно протараторила девочка.

Крестьянки переглянулись с ужасом, Настя заметила это.

– Как госпожу спасать будем? – шепнула одна крестьянка другой.

– Эх, если бы кто-то задержал солдат внизу хоть не надолго, пока мы уведём через чёрный ход Госпожу с ребёночком…

Для Настеньки всё стало ясно: она должна задержать солдат Наполеона(Наполеон Бонапарт – французский император, который начал эту войну).

Девочка ловко сбежала по лестнице и к своему ужасу увидела, что вражеские солдаты уже хозяйничают в доме на первом этаже. Настенька, не зная что делать и испугавшись, спряталась за книжный шкаф.

От испуга сотня разных идей как спасти Надежду, смялись в голове Настеньки в один панический комок мыслей: «Нужно спасать маму!». Девочка понимала, что для принятия каких-то мер у неё немного времени. Вдруг один из французских офицеров сказал с акцентом:

– Надо проверить, есть ли кто наверху!

– Нет!!! – в панике закричала Настенька и со страшным грохотом уронила книжный шкаф.

Французы, как один, повернулись к девочке, тот, что был постарше, схватил Настеньку за локоть и ехидно с акцентом произнёс:

– Девчонка, девчонка, а, отчаянная русская девчонка, показывай, где золото-серебро твоих родителей, или заберём тебя в плен, будем выкуп с родителей требовать!

Настенька испугалась, ведь не очень хорошо поняла, что хочет требовать с родителей и куда забрать её этот наглый французский офицер, но знала, что дорогие вещи находились на втором этаже, а туда ей нельзя пускать этих налётчиков из-за мамы. Настенька смело плюнула французу в лицо и сама застыла в ужасе, ожидая, что будет дальше…

Тут, тяжко кряхтя, спустился со второго этажа Всеволод Семёнович и подал золотые монеты и украшения офицеру со словами:

– Отпустите за это вознаграждение девочку…

Пока француз возился с драгоценностями, Всеволод Семёнович увёл через другой проход Настеньку и привёл во временное убежище семьи: дом одного крестьянина, где их, рыдая, ждала Надежда и два новорожденных братика Настеньки: Сашенька и Тихон. Надежда так переживала за дочь, что, увидев её живой и невредимой, обняла дочку и разрыдалась.

– Больше так никогда не рискуй собой! Даже ради меня! – попросила Надежда доченьку.

Год войны Надежда с детьми и старым барином переждала в крестьянской избе, пока не вернулся Антон. И каждый божий день молитвой всей семьи были одни слова: «Господи Иисус Христос, помоги выжить и вернуться рабу Божьему Антону, он нам всем нужен, мы его любим и ждём…».

Тем временем Антон находился в уланском полку и томился только от того, что не мог прислать никакой весточки семье.

– Война идёт с французами, опасно везде. Как там мои милые, хорошие, родные? Жёнушка, доченька, малыш, который должен родиться, отец мой старенький, как вы? Боже, спаси и сохрани их для меня, а меня для них… – говорил шёпотом проникновенно Антон, глядя на ярко-сапфировое небо, и, казалось, он мог думать о семье бесконечно, но военный шум пушек и ржание коней напоминали ему о том, что нужно двигаться дальше.

В это время Антон вспоминал о жене и дочери с особой щемящей нежностью в груди, хранил письмо от жены под формой на груди, и от этого сердце мужчины трепетало ещё сильнее.

Но сражался от этих нежных строк и воспоминаний Антон ещё отчаяннее, ещё храбрее. Впереди всего войска русских был Антон, бесстрашно лез на пригорок под гром пушек мужчина с криком:

– За веру, за Родину, за наши семьи!

Тут-то Антон и был ранен и потерял надолго сознание. А когда очнулся, то ужаснулся: русские войска были уже далеко, а французы рыскали по полю.

« Не хочу я в плен! Как же быть?» – подумал Антон, а потом стал читать молитву «Отче наш». Первый раз прочитал. Страшно и тихо кругом, но французы близко ещё. Второй раз прочитал «Отче наш» Антон. Страшно и совсем тихо кругом, но французы далеко. В третий раз почём молитву Антон и снова потерял сознание.

Очнулся Антон в чистой комнате с другими ранеными.

– Слушайте, служивые, где я? – спросил Антон испуганно.

– В госпитале, где ж ещё! Повезло же тебе, улан, нашла тебя русская девушка из соседнего села, помогла сёстрам милосердия выходить тебя, а ведь французы недалеко ушли, чудо просто, что они тебя в плен не взяли…– ответил русский солдат.

Антон так ослаб, что, узнав, что находится у своих, не в плену, отвернулся к стенке и крепко уснул, лишь смог перекреститься и подумать: «Спасибо, Господи, за то, что услышал мою молитву, благодарю, всю жизнь благодарить буду тебя, Христе…».

Выздоравливал Антон медленно: потерял много крови, очень ещё был слаб, когда война с французами кончилась русской победой.

– Антон, почему вы так плохо едите? Вы же не восстановите силы, не выздоровеете при таком питании! – журили дворянина сёстры милосердия.

– Война кончилась, я домой хочу, я по семье истосковался, за год одно письмо получил от жены любимой и то до дыр зачитал! – отвечал бледный болезненно худой Антон слабым голосом и снова отворачивался к стенке.

Сначала сёстры милосердия не обращали на возмущения мужчины внимания, но потом одна из служительниц госпиталя заметила с грустью:

– Рана-то зажила у него, выписывать Виноградова надо, потому что тут он сил не наберётся, загнётся от тоски по семье…

Поговорили сестрички с врачом, и тот принял решение отпустить домой героя.

Антон возвращался домой с тихим восторгом и лучезарным счастьем, не зная, что его ждёт. Как же неприятно защемило сердце у Антона, когда он увидел усадьбу разорённой и разграбленной!

Тут вышла крестьянка, Антон тихим шагом подошёл к ней и хотел спросить, где же Надежда, отец и Настенька, но крестьянская девушка всплеснула руками и затараторила радостно:

– Барин, вы вернулись! Какое счастье! Как же Надежда Ильинична обрадуется, Господи, Боже мой! Она так хотела вам сообщить, что у вас близнецы родились, двух мальчиков Господь послал! Да какой же вы худой, бледный, вы больны, вам лежать нужно! Пойдёмте, я отведу вас в дом Кузьмы, где живёт барыня с детками и Всеволодом Семёновичем, всем миром вас выхаживать будем!

– Антон Всеволодович вернулся! – крикнул кто-то из крестьян, и сердце Надежды затрепетало, как птичка. Настенька тоже радостно соскочила со скамейки, положила пяльцы с рукоделием, и мать с дочерью выскочили навстречу Антону.

Столько ждали они этого дня, столько слёз пролили за молитвами, как же больно было Надежде увидеть мужа таким больным! Надежа почувствовала прилив любви к мужу и зарыдала у него на груди и от горя, ведь Антон ранен, и от счастья, ведь Антон вернулся живым и как прежде целует её руки и утирает слёзы, значит, по-прежнему любит. Антон поспешил обнять всех членов семьи, и ликование, смешенное со слезами, настигло даже Всеволода Семёновича, который изрёк:

– Мой сын защищал Родину! Мой сын – герой!

Антона пытались накормить и уложить отдохнуть, настолько болезненный вид был у отца семейства, но Антон не отходил от семьи, нянчил Сашеньку и Тихона, целовал в макушку Настеньку и не сводил нежного взгляда с жены. К вечеру, всё расспросив, обговорив, что накипело за год, Антон покушал и сел на лавочку на улице, а Надежда подсела к нему и они, склонившись к друг другу, шептались и любовались звёздами.

– Дедушка, можно, я с мамой и папой посижу? – спросила Настенька.

Всеволод Семёнович улыбнулся слабо и прошамкал:

– Лучше поиграй с Сашенькой и Тихоном, я не управлюсь с ними, а мама должна побыть с папой…

Скоро Антон стал выздоравливать и не мог нарадоваться поведению Насти:

– А я и не знал, что ты такая помощница маме!

На дворе стояла глубокая осень, листья, опадая и превращаясь из яркого золотого платья дерева в коричневый ковёр, чуть слышно шептали: «Прощайте…», когда Антону совсем стало лучше, даже здоровый румянец вернулся к мужчине.

– Давайте восстанавливать нашу усадьбу! – предложил Антон, и слуги, которые вернулись с войны, присоединились к энтузиазму барской семьи, чтобы отремонтировать усадьбу, потому что в крестьянском доме барской семье было непривычно тесно и прохладно. Всем миром взялись за это дело, всей роднёй, Антон сам не боялся никакой работы, да и Настенька была всегда у него на подмоге. Та зима была особенно лютая, поэтому семья спешила закончить работы, и скоро и Надежда и Антон, и Настенька, и Всеволод Семёнович и Сашенька, и Тихон перебрались в новый красивый бежевый добротный дом с колоннами.

Рождество Христово семья встречала в новой усадьбе, давая пышный бал, а Настёна блистала в нежно-розовом платье на этом балу.

Надежда же на балу не танцевала: она ухаживала за маленькими Сашенькой и Тихоном. Все восхищались этой семьёй и уютом, который царил в их доме.

А потом пришла первая в жизни братьев-близняшек весна, Антон приказал посадить в саду яблони, и молодые яблоньки украсились невесомо-воздушными белыми цветами, и маль-

чики делали под руководством своей старшей сестрёнки первые шаги, а Надежда и Антон радовались за своих деток, и с особенной нежной благодарностью смотрели друг на друга.

– Надя, а Наденька, супруга ты моя ненаглядная, знаешь ли ты, как я тебя люблю? – спросил Антон.

– У нас уже трое детей, дорогой, пора бы забыть про свою любовь… – подметила грустно Надежда, но Антон возмущённо поднял её на руки, поцеловал и ответил:

– Когда хочется сказать такую глупость, лучше целуй меня! Наш свет любви никогда не угаснет!

С той поры пролетело два года, казалось бы небольшой срок, но Настенька взрослела, ей исполнялось двенадцать лет, и она отлично училась, исправно и прилежно, была во всём помощница родителям, том числе в воспитании Сашеньки и Тихона. Близнецам же было уже три года, и все поражались, какие у них разные характеры: кучерявые и светловолосые, с большими веждами и длинными светлыми ресницами, внешне они походили друг на друга.

Но, как только дело доходило до игры, Саша с громким лепетом сгребал к себе все игрушки и устраивал бардак и догонялки, а Тихон спокойно садился в дальний угол с карандашом и рисовал несложные картинки…

– Как бы нам научить Сашеньку и Тихонечку играть вместе? – озадачились родители, но на выручку пришли Всеволод Семёнович и Настенька. Дедушка стал усаживать внуков и читать им сказки, и Саша и Тихон с удовольствием их слушали, рассматривали книжки, и Саша даже не забирал книжку у Тихона.

А Настенька стала играть с ними, строить домик из кубиков втроём. Сначала близнецы не ладили, и работа не шла, но через несколько попыток домик был построен. Так малютки приучались ладить с друг другом…

А тем временем Всеволод Семёнович стал очень болеть, на сухой старой коже появилась желтизна. К нему чаще стали приглашать священника…

Всё это тревожило Надежду и Антона, а больше всех Настюшу, которая обращалась к родителям со слезами:

– Мама, папа, дедушка стареет, всё время лежит, он очень слаб, он, наверное, болеет, нужно спасать его!

Надежда и Антон знали, что Всеволод Семёнович болен и скоро отойдёт к Господу, и беспокоились, как же воспримет это Настюша.

Надежда советовалась с мужем, наблюдая, как Настенька мучается, пытаясь развеселить и ободрить дряхлеющего Всеволода Семёновича:

– Отец хвор, в таком возрасте все хворают. Мы-то с тобой взрослые люди, верующие христиане, мы знаем, что так должно быть и что делать, а вот как объяснить это Настеньке? Посмотри, как она выбивается из сил, лишь бы он жил, лишь бы ему было хорошо. Как бы не вышло беды…

– Ничего, – с минорным спокойствием и христианским смирением отвечал жене Антон, – Именно по-христиански мы всё ей объясним, она уже поймёт…

С неуютным ветром ворвалась печальная осень, и, когда выпал первый снег, Всеволод Семёнович отошёл к Господу.

– Можно я пойду к дедушке в светёлку? – спросила как всегда Настенька.

– Нет! – испуганно ответили родители, не зная, как объяснить этот ответ девочке.

Да попросила Настенька же горько-горько расплакалась, и Надежда попросила мужа:

– Дорогой, объясни дочери хоть как-нибудь…

Антон посадил дочь к себе на колени и начал тихую и ясную, как свет лучинки, речь:

– Знаешь, доченька, у каждого человека есть земной век, а потом его забирают Ангелы на небушко в рай к Господу, если тот был добрый христианин, у всех это происходит по-разному

и в разный срок. Дедушки больше нет на земле, он в раю, но не надо плакать: он так же любит нас и помогает нам молитвой…

Настенька перестала плакать и спросила:

– А в раю ему будет хорошо, и он услышит мои песенки, которые так любил?

– Ему будет очень хорошо! Просто прекрасно! А твои песенки он обязательно будет слушать с неба, так что пой, радуй себя и его… – ответил Антон дочери и обнял её.

Настюша соскочила и запела любимую песенку Всеволода Семёновича, а Надежда и Антон вздохнули: объяснение прошло успешно.

После этого Настенька стала особенно усердно молиться, поститься и учить Закон Божий, который ей преподавал батюшка из приусадебной церкви.

– Анастасия Антоновна просто умница, Ангел, а не ребёнок! – говорил тот самый батюшка родителям Насти…

Так пробежало время в хлопотах, ведь дети менялись и доставляли забот каждый день. Наступал 1826 год. Настенька превратилась в красивую набожную девушку двадцати трёх лет с длинной косой, которую укладывала в модные причёски очень редко, а Сашенька и Тихон стали подвижными и дружными братьями-отроками четырнадцати лет, но так же были похожи золотыми кудрями и не похожи характерами.

Тихон любил читать и рисовать и мечтал стать художником, и у него это получалось, так же он прилежно учился, а вот Сашенька любил подвижные игры, гимнастику и совсем не хотел учиться.

– Как же ты будешь полезен Господу, семье и Родине, если ты не учишься? – пытались вразумить отрока родители, но тот отвечал:

– Я буду военным, и стану великим полководцем!

–… И закажешь мне свой парадный портрет, когда станешь фельдмаршалом! – вторил брату Тихон.

Конечно, Надежда и Антон переживали за учёбу, добродетели и будущее сыновей, но больше переживали за Настеньку: девушкой она была милой, в модном сиреневом платье с пышной юбкой и узкой талией особенно казалась хорошенькой, но совершенно не интересовалась женихами.

Часто, чтобы родители могли проявить любовь к друг другу, как прежде, и насладиться обществом друг друга без сорванцов-сыновей, Настенька устраивала им романтичные вечера на веранде, усыпая её лепестками роз и накрывая стол с шампанским, а сама с братьями уезжала в гости.

Надежде и Антону нравилось посидеть в минорной ласке вдвоём, но они стали беспокоится за замужество дочери: она уже взрослая, ей пора замуж, а то Настенька не познает семейного счастья…

Так рассуждая, Антон и Надежда стали искать Настёне жениха, когда посватался важный военный, Граф Виктор Петухов. Был он молод, амбициозен и очень красив, особенно модной чёлкой. На званом ужине на масленицу Настеньку представили Виктору, молодые люди понравились друг другу, масленичное веселие располагало к общению, и Виктор и Настенька скоро стали друзьями, Виктору было очень интересно с Настёной.

– Когда же вы поженитесь? – забеспокоились родители обоих.

– После Пасхи обвенчаемся! – объявил Виктор, даже не посоветовавшись с Настей, что очень обидело девушку.

– Почему именно после Пасхи? – недовольно спросила Настенька.

– Ну, в пост же нельзя! – ответил Виктор.

–А ты спросил меня, согласна ли я выйти за тебя замуж? – обиделась Настенька.

Нависло недовольное напряжение со стороны Виктора и его родителей, но Надежда и Антон заверили:

– Выйдет она замуж, выйдет, смущается просто: девица она у нас скромная…

– Да уж, скромница, ничего не скажешь! Ещё её спрашивать! Плохо вы дочь воспитывали, но ничего, наш сын научит эту девицу понятиям «Домостроя»… – с ехидством ответили родители Виктора.

Настеньке было всё равно: она готовилась к посту, и мысли её улетали за облака к Господу.

Масленичную неделю Виктор каждый день приглашал Настеньку на гуляния: то в театр, то на тройке с бубенцами кататься, шутил и веселил свою невесту. Настенька с благодарностью принимала эти милые ухаживания, с горечью понимая, что, как только она станет ему женой, вся романтика увянет, как цветочек.

– Виктор, вы умеете покорить сердце и развеселить, хотя я немного обижена на вас, что вы мнения моего не спросили тогда, а скажите мне, от чего? Неужели я такая страшненькая, что на меня никто больше не посмотрит? Или вы так уверены в своей неотразимости? – както вовремя катания на каруселях спросила Настенька Виктора.

Молодой человек озадачился, а потом ответил:

– Не знаю, у нас дома такой порядок: женщина должна выполнять волю мужа или жениха…

– Видно, не зря ваши родители, Виктор, про «Домострой» сказали, но видно доля моя такая: терпеть это… – печально прошептала девушка, но её спутник не услышал Настёну.

Родителям же Настенька не показывала, что опечалена и недовольна своей женской долей, со смирением благодарила Надежду и Антона. Тихон писал картину, а Сашенька бегал по усадьбе с криками:

– А Настька – невеста, а Настька – невеста!

Антон сурово сделал замечание сыну:

– Как ты называешь сестру?! И почему ты шумишь в пост?! Нехорошо так!

Тут Надежда заметила, что дочь опечалилась и спросила:

– Милая доченька, от чего ты грустишь? Может, ты погулять сходишь, погода-то солнечная…

Настя с опущенной головой призналась маме:

– Не хочу я, мамочка, замуж за графа Петухова, его родня мне житья не даст…

Надежда посоветовалась с Антоном, и отец ответил дочери:

– Понимаешь, тебе нужно семейное гнездо создавать, счастье своё искать, а пока к тебе больше никто не сватался. Жаль, конечно, что такой человек носить тебя на руках не будет, ты, конечно, лучшего достойна, но понимаешь, что время не пощадит твоей красоты, и нужно выходить замуж скорее. Прими это с христианским смирением…

– Благодарю, папа, я постараюсь… – с кроткой улыбкой сказала Настенька, а потом обратилась к Надежде – Дай, мамочка, что ли денег на ленты красивые или капор новый, может хоть немного настроение улучшится от покупки…

Надежда с радостью дала денег дочери, и Настенька отправилась на Кузнечный мост, где самым модным товаром торговали французы. Вдруг к Насте подошёл бедно одетый стройный молодой человек с рыжими кудрями, веснушками на лице и большими голубыми распахнутыми очами. Настя пригляделась к молодому человеку и улыбнулась, так он был мил и забавен, а молодой человек обратился к девушке:

– Мадмуазель, я потерял сестрёнку, девочку лет пяти с рыжей косичкой, не видели вы её?

– Нет, не видела – уже без улыбки ответила Настенька – Давайте вместе искать вашу сестру, вас, кстати, как зовут?

– Меня зовут Сергей, благодарю вас за неравнодушие, пойдёмте скорее искать её!

Скоро Настя и Сергей нашли его сестрёнку, девочка, как оказалось, остановилась возле булочной, и Настя купила ей бисквит.

– Спасибо вам, леди, вы так добры, прекрасны и щедры, что мне хочется посвятить вам стихотворение! – произнёс торжественно Сергей.

– А вы – поэт? – удивилась Настенька.

– Пишу понемногу, как вдохновение призывает, мои произведения даже печатают в газетах, но доход от этого малый, правда. Скажите же, леди, ваше имя, и я увековечу его прекрасным сонетом! – ответил юноша.

– Меня зовут Анастасией, но, прошу не надо посвящать мне сонета, я недостойна, лучше прочтите мне какое-нибудь своё стихотворение… – предложила Настя.

– Тогда я вам прочту моё любимое стихотворение, оно очень светлое и православное и называется «Христос в саду среди лилий…»… – изрёк Сергей и начал прочтение стиха, и сердце Настеньки замерло от восхищения: стихотворение было таким чистым, православным, добрым, возвеличивало Христа, воспевало вечную жизнь. Читал произведение своё Сергей мелодично, с любовью, благоговением, казалось вся душа его в этой Божьей любви, а Настенька слушала и наслаждалась, и восхищалась, и робела перед таким гениальным поэтом…

– Как вам мои скромные попытки воспеть Господа, Анастасия? – спросил в конце Сергей.

– Вы – гений, Сергей, я в восторге, вы станете великим поэтом! – воскликнула девушка, и молодые люди, поблагодарив друг друга, хотели идти по своим делам, но тут Настя поняла, что хочет послушать ещё стихи Сергея и окликнула нового друга:

– Приезжайте в усадьбу Виноградовых, чтобы я могла послушать ваши произведения! Вот листик с адресом!

– Вы меня приглашаете к себе в гости? Я обязательно приеду! – закончил разговор Сергей.

Теперь Настя ждала с радостным нетерпением вторника, потому что Сергей читал ей и Надежде с Антоном свои стихи за чаем каждый вторник. Так же друзья много говорили о литературе и жизни, и Сергей изрёк:

– По-моему скромному разумению, основой творчества и семейной жизни должны быть любовь и христианская забота друг о друге…

– Вы очень хорошо рассуждаете, и у вас замечательные произведения, но у Настеньки уже есть жених… – с беспокойством ответили Надежда и Антон.

– Жаль, я бы хотел заботиться и любить такую милую обаятельную девушку, как ваша дочь, с величайшей радостью обвенчался бы с ней, только боюсь теперь спросить её согласия… – явно не без намёка произнёс Сергей.

Обстановка снова накалилась, Надежда и Антон испуганно смотрели на дочь и задумчиво изрекли:

– Подумай хорошо, Настенька, перед тем, как ответить. А как же мы будем оправдываться перед Виктором Петуховым и его родственниками? И всё же Виктор богаче, благороднее…

Сергей и Настенька встали на колени, и девушка ответила родителям:

– Мама, зачем мне богатство кармана и благородство происхождения жениха, если нет в Викторе богатства и благородства души! Благословите меня на брак с Сергеем, прошу вас!

Так что после Пасхи была свадьба Настеньки, только не с Виктором, а с Сергеем, и сердце Надежды и Антона было спокойно, потому что они видели, что их чувство не остынет, так же, как у Надежды и Антона…

Спустя ещё десять лет, женились и сыновья Надежды и Антона, Александр стал генералом, а Тихон – художником.

– Что ж, теперь мы остались одни, можем пожить для нашего негасимого света любви, и уйти в самые дальние прекрасные райские обители в один день и час, чтобы любовь наша жила и там… – обнявшись, с минорной радостью говорили Надежда и Антон, но скоро дети привели внуков в отчий дом, и теперь вся большая семья шумно вспоминала прошлое и мечтала о будущем в день золотой годовщины свадьбы Надежды и Антона.

Иконописец
Иконописец с верою в душе
Писал чудесную икону уже,
И тяжело было вспоминать
Что пережил он, чтоб стать
Иконописцем, чтоб Истину найти,
Чтоб в сени храма самому прийти,
Господь над юношей чудо сотворил,
Ведь Он каждого любит и любил.
Теперь иконописец чудо создаёт,
Он к Истине за собой зовёт,
Любовь, вера и надежда отражены
На иконе, где лики освещены…

Этот уникальный случай имел место быть в нашей современной суматошной и далеко не идеальной жизни. Вы можете и не поверить в то, о чём повествует моя история, но я уверена, что она заставит задуматься над многими привычными вещами и поднимет вам настроение…

…Трофим Леденцов в тот вечер, как и обычно, хотел пропустить занятия в художественной школе. Молодому человеку восемнадцати лет, между прочим, как отмечали педагоги, талантливому художнику, намного больше было по душе развлекаться с друзьями и своей девушкой, Диной, пить пиво или энергетики на скамейке, рассказывать смешные байки друзьям, но только не заниматься серьёзно каким-то делом. И внешность юноши тоже говорила об этом: зелёная чёлка и кожаная куртка выдавали в нём любителя музыки Виктора Цоя и безудержного веселья в ночных клубах.

Иван Данилович Леденцов, отец Трофима, человек спокойный, мужественный, набожный, видел по внешности сына, что тот не на учёбу идёт, а снова в ночной клуб, но лишь тяжко вздохнул. Дело в том, что после изнуряющей до головокружения трудовой смены пожарника пожилой крепкий мужчина не находил в себе сил для серьёзной беседы с сыном, а кричать или выяснять отношения кулаками было не в его характере.

– Ты когда домой придёшь, Трофимка? – спросил отец непутёвого сына.

– Бать, я только к утру приду, работы много… – отчеканил Трофим готовую отговорку.

Иван Данилович только покачал головой со словами:

– Я же вижу, что ты не на занятия в художественную школу, а в ночной клуб идёшь с Диной и друзьями! Зачем лгать родителям? Не хорошо это! Пойми, не хорошо! А завтра – воскресение, кто на службу в церковь пойдёт?

– Ну, вы же с мамой! – уже в дверях выкрикнул Трофим.

Иван Данилович обратил тоскливый взор на жену, учительницу русского языка Евгению Станиславовну.

– Что будем делать с тобой, дорогая? С сыном теперь толком и не поговоришь: не хочет и слушать, а как-то в церковную жизнь входить ему нужно, да и дело своё искать, не даром Господь притчу о зарытом таланте рассказывал…

Евгения, прибирая скромную квартирку, с горечью отвечала:

– Какая ему церковь? Какое ему дело жизни? Он слова-то такие, в своих клубах танцуя, забыл! Взрослый уже, пусть сам разбирается!

Иван, казалось, потускнел от такого ответа, а потом вдруг, словно по взмаху Ангельского крыла, пришла мужчине идея:

– А что, если он со мной на смену пойдёт? Может, пример отца образумит его!..

Тем временем Трофим танцевал с Диной и друзьями в дребезжащих огнях ночного клуба. Нездоровый, пьяный смех заглушал музыку…

– Дин, вот я не понимаю, как родители тебя сюда каждый день отпускают! – с удивлением спросил Трофим у своей девушки.

Девица с синей стрижкой с неприятным смехом ответила:

– А что, завидно? Предки твои, что ль строгие?

– Нет, не особо строгие, просто… не могу объяснить… – попытался ответить Трофим, но Дина перебила его:

– Ты просто не признаёшься, что они в церковь ходят! Все это знают! Не переживай, смеяться над тобой не буду!

«Просто иногда мне кажется, что мама и папа в своих стремлениях быть верующими правы…» – подумал Трофим, но не сказал это вслух.

Веселье в ночном клубе продолжалось до утра, до первых лучей зари шаталось здание клуба от неприятной музыки и танцев. Когда же Трофим пришёл домой, то застал лишь овсяную кашу с маслом и бутербродом и записку: «Мы ушли в церковь. Завтрак на столе».

Почему-то в этот момент Трофиму стало особенно горько: он чувствовал укор совести из-за того, что не идёт вместе с родителями в церковь. Даже не прикоснувшись к завтраку, Трофим лёг отдыхать…

… Два дня пролетели незаметно, а потом Иван Данилович предложил сыну:

– Сынок, Трофимка, поехали со мной, посмотришь, как пожарники работают, увидишь отца в деле…

Трофим распахнул глаза от удивления, взялся за подбородок и спросил:

– А зачем мне это? Безопасно ли там? И, что ли, каждую смену пожары бывают?

– Поверь, совершенно безопасно, ты же спасать людей не полезешь в огонь, нужно это, чтоб ты профессию себе выбрал, присмотрелся к делу нашему, да и о смысле жизни задумался. А что ответить на твой последний вопрос, я и не знаю. Никогда не подгадаешь, когда Господь пошлёт тебе испытание или подвиг, и окажешься ли ты готов к этому…

Слова отца вызвали у Трофима интерес, и юноша воскликнул:

– Что ж, это очень интересно, пожалуй, я поеду с тобой!

День смены прошёл без приключений, Трофим даже заскучал, выражая это словами:

– Тоже мне, герои! Нашли героизм в том, чтоб пожара ждать!

Иван Данилович только покачал головой.

День сменился туманным сумеречным вечером, а вечер – тёмной ночью.

Трофим начал уже дремать, когда нежданно, как разряд молнии, была объявлена тревога, неистово жутко завыла сирена, и послышался в рупор суровый голос:

– Готовность номер один!

Трофим и голову повернуть не успел, когда его отец уже был в форме и каске.

Трофиму вдруг стало необъяснимо страшно, он попросил отца:

– Папа, может, ты сменишь работу? Не поедешь?

Но Иван Данилович не слушал сына: пожарник уже садился в машину с криком:

– Молись за меня!

Машина, разрываясь от звука сирены, помчалась, освещая ночь жёлтыми фонарями, а потом снова стало темно…

Трофим стал молиться, молитва его сияла, как жар-птица в тёмной ночи, ожидание приезда пожарной команды становилось невыносимым. Вдруг снова в темноте засверкали огни: это подъезжала пожарная машина. С командой пожарников шла семья с маленькой девочкой лет пяти. Сначала Трофим обрадовался, но потом вдруг заметил, что среди пожарной бригады нет отца. С испугом он подбежал к пожарникам и стал расспрашивать:

– Где же отец мой?! Иван Леденцов где?!

И вдруг девочка стала рассказывать:

– Спасибо вам, пожарники! Мне было страшно, и я забилась под кровать, а меня спас добрый пожарник, он одел на меня вещь, которую потом вы назвали противогазом!

С волнением спросил Трофим у пожарников-коллег отца:

– Это был мой отец?! А что с ним стало сейчас?!

Пожарники только сняли каски и опустили головы:

– Спасая жизнь этой крохи, отец твой, Трофим, погиб, как герой, как христианин!

Трофим тяжело глотая воздух, сел, взялся за голову и впервые в жизни заплакал, а мысль у него была только одна:

« Господи, прости мне мой эгоизм, мою чёрствость, легкомысленность! Помоги пережить это горе! Господи, Христе, помоги!».

Вслух он только шёпотом произнёс:

– Христе, помоги…

После этого Трофиму стало легче, будто Господь погладил его по голове, юноша перестал плакать, стал дышать ровнее.

«Хорошо, я успокоился, что же дальше? – промелькнуло в голове Трофима – Для чего отец привёл меня сюда?».

После того, как Трофим задал сам себе этот вопрос, то нашёл и ответ, и ему стало предельно понятно, что же делать дальше. Вернувшись, домой, Трофим рассказал всё маме, а рассказ закончил словами:

– Мы пойдём в храм молиться за папу! Подскажи мама, как мне переодеться, чтобы быть достойным войти в храм!

Медленно, ещё переживая внутри, Евгения достала простые классические брюки сыну, рубашку со словами:

– Сначала переоденься, потом займёмся твоей причёской. И пирсинг из носа тоже придётся вынуть…

Послушно выполнил все советы матери Трофим, потом сходил в парикмахерскую, чтобы перекрасить чёлку в естественный цвет…

– Какой же ты красивый сынок с длинными волосами, без этой странной зелёной чёлки и пирсинга! У тебя такой благочестивый и в тоже время аристократичный вид! – воскликнула, ахнув, Евгения.

– Я хочу приобрести и благочестивый, угодный Господу, характер, так что пойдём, мама в церковь…

Там Трофим серьёзно молился, спрашивал маму о многом, например:

– Мама, я знаю, что Господа распяли, а за что?

Мама тихо и долго отвечала ему на этот вопрос:

– Знаешь, сынок, так Иисус Христос открывал для людей вечную жизнь…

– А чему тогда учил нас Господь? В чём смысл молитвы? Мне хочется во всё вникнуть серьёзно…

Беседа текла, как тёплое молочко для души, а потом мать и сын пошли в церковную лавку и купили Библию.

Прошло две недели, за это время Трофим не пропустил ни одного занятия в художественной школе, исправно посещал службы в церкви и, как мог, помогал маме.

Дина не получала никакой весточки от Трофима, и, поэтому, когда её друзья снова собрались в ночной клуб, она пришла сама к Трофиму.

Резкий звонок зазвучал на всю квартиру Леденцовых, и дверь открыл Трофим, но Дина не узнала своего друга. Одет он был скромно, вместо странной причёски с зелёной чёлкой на голове красовались длинные тёмно-русые волосы, вообще, весь его внешний вид говорил о его вниманию к своей душе и жизни, а не к модной одежде.

– Молодой человек, а могу я увидеть Трофима Леденцова? Вы кто ему: брат или отец?

Юноша взглядом хвойно-зелёных очей улыбнулся и ответил:

– Дина, это я, Трофим. Странно, что ты меня не узнала…

Девушка в этот момент пила пиво из банки и чуть не поперхнулась от удивления, долго смеялась она, не находя слов, а потом язвительно спросила:

– Ты, Трофимка, с чего это по примеру родителей в «монахи» решил записаться? Бросай заниматься ерундой! Идёшь с нами?

Трофиму даже обидно немного стало, что Дина самое дорогое в его жизни ерундой назвала, юноша ответил:

– Я Ерундой не занимаюсь! И не монах, я вовсе, а просто верующий человек! И с вами в ночной клуб не пойду! Мне вставать завтра рано. А ты или таким, какой я стал, меня принимай, или выбери себе жениха из своего круга!

Дина вопросительно захлопала накрашенными ресницами со словами:

– Как так может поменяться человек? Почему то, что ты считал глупостью и блажью родителей, стало дорого для тебя?

Трофим задумался и ответил:

– Прости, Дина, просто я сильно изменился. Если тебе трудно принять меня нового, и ты найдёшь себе другого спутника, я нисколько не обижусь. И ты на меня не обижайся, пожалуйста…

Дина сутуло опёрлась на косяк двери, подумала, потом развернулась и, уходя, произнесла:

– Что ж, прощай, Трофим! Не звони мне больше!

Трофим тяжело вздохнул и закрыл дверь. У него сейчас хватало дел и без огорчений по поводу разлуки с Диной: он собирался поступать на иконописца. Такая мечта зародилась и воскрыляла в юноше после того, когда мама показала Трофиму семейную икону, перед которой любил молиться Иван Данилович.

– Какой красивый, благолепный лик Богородицы! Жаль только, что краски потускнели. Если было можно нарисовать точно такую икону… – изрёк юноша, и тут его осенило, что сам-то Трофим – художник, а значит, может применить свой талант во славу Господа и стать иконописцем!

Спустя какое-то время Трофима уже величали Трофимом Ивановичем, и он участвовал в росписи храма. Светлую радость испытывал молодой иконописец, рисуя фреску «Рождество Христово», понимал иконописец, что нашёл самую лучшую для себя, самую радостную и полезную для всех работу. Спустя два года он написал свой первый шедевр – икону «Вход Господень в Иерусалим». Слава о молодом, красивом и одарённом иконописце прокатилась по всей стране, и скоро ему стали заказывать иконы и приглашать расписывать храмы.

Теперь Трофим имел свою мастерскую и мог содержать свою пожилую матушку.

…Колокольчик мелодично зазвонил, Трофим открыл двери мастерской, и перед ним оказалась приятная светловолосая сероглазая девушка в платочке и милом узорчатом платье.

– Здравствуйте, а могу я увидеть Трофима Ивановича? Мне сказали, что он – замечательный иконописец, я хотела заказать ему икону Святой Семьи для сестры старшей на свадьбу…

– Трофим Иванович – это я. Не называйте меня по имени-отчеству, я не намного старше вас… – скромно ответил молодой иконописец.

Девушка, которую, как выяснилось позже, звали Любовь, и Трофим долго обсуждали детали заказа, но после этого девушка стала расспрашивать Трофима:

– А как живёт иконописец? Это тяжёлый труд? Вы, наверное, верующий, и молитесь, и посты соблюдаете?

Трофим раскраснелся, по-доброму улыбнулся, скромно ответил:

– Ну, стараюсь Богу потихоньку угодить, не всегда получается, а, впрочем, я – обыкновенный верующий человек…

– У меня тоже не всегда получается Богу угодить, – заметила Любовь – От того, наверное, Господь и не посылает мне жениха хорошего. Кто, вообще, захочет общаться с такой серой мышью, как я…

Трофим раскраснелся снова, затем улыбнулся по-доброму и ответил:

– Напраслину на себя возводите, Любовь, я бы хотел с вами общаться…

Так и закрепилась красивой брошью на шёлковом платке дружба Любови и Трофима.

После трудового дня Трофим и Любовь прогуливались на свежем воздухе по шуршащим мятной листвой аллеям, а особенно они любили делать это в грибной летний дождик, когда капли на листьях играли весёлую мелодию.

О чём же они разговаривали? О религии, о жизни, о своих семьях, о работе и хобби. Однажды Трофим даже историю своего обращения к вере рассказал:

– Знаете, Любовь, я такой глупый был, думал, что счастье в веселье и вечеринках, только здоровье своё губил и время терял. А как отец мой, Иван Данилович, отошёл к Господу героически, по-христиански, он пожарником служил, жизнь ребёнку ценой своего живота спас, так я и задумался о жизни и о вере…

При этих словах Трофим даже немного прослезился, думая, что за торжеством весёлого летнего дождика Любовь не заметит того, как точит молодого иконописца совесть, но Любовь, девушка удивительной чувствительности, робко улыбнулась, положила тонкую ручку на могучее плечо Трофима и изрекла:

– Я вижу, что вы переживаете, отец, видно был очень дорог вам. Не надо, пожалуйста, пусть его христианская жизнь и переход в райские обители будут примером для нас с вами, а Иван Данилович будет на небесах радоваться за наше счастье, и за то, что вы служите Господу! Всё происходит не напрасно, а по воле Божьей…

Для Трофима эти слова были сладки, как мёд, важны и радостны, как причастие в церкви, Трофим понял, что Любовь стала его утешением и поддержкой, и что её характер соответствует её имени: она умеет любить. Лучше человека он не встречал никогда. Как же отрадно Трофиму было ощущать это родство двух душ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.